

Павел
Амнуэль

11

РАССЛЕДОВАНИЯ
БЕРКОВИЧА

Расследования Бориса Берковича

Павел Амнуэль

**Расследования
Берковича 11 (сборник)**

«Остеон-Групп»

2014

Амнуэль П. Р.

Расследования Берковича 11 (сборник) / П. Р. Амнуэль —
«Остеон-Групп» , 2014 — (Расследования Бориса Берковича)

ISBN 978-5-85689-203-0

По признанию автора, Павла Амнуэля, «после репатриации в Израиль он написал больше, чем за все предыдущие десятилетия». И теперь Амнуэль больше внимания уделяет духовности человека, его ответственности перед близкими и окружающей действительностью. Мы предлагаем читателю сборник отличных, остросюжетных и действительно интересных рассказов, публиковавшихся в разные годы в периодической печати Израиля. Все эти произведения вышли из-под пера признанного мастера, известного в России преимущественно в жанре фантастики. Однако П. Амнуэль немало сделал и на ниве детектива.

ISBN 978-5-85689-203-0

© Амнуэль П. Р., 2014
© «Остеон-Групп» , 2014

Содержание

Кофе по-турецки	6
Смерть неизвестного	10
Интересная книга	14
Укус змеи	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Павел Амнуэль

Расследования Берковича 11

© Песах (Павел) Амнуэль, 2014.

© Издательство «Млечный Путь», 2014.

© ООО «Остеон-Пресс», оцифровка текста, вёрстка, 2014.

Кофе по-турецки

О смерти Маргалит Кадмон в полицию сообщили из больницы «Ихилон», где она скончалась, не приходя в сознание, поздно ночью с субботы на воскресенье. Инспектор Беркович получил дело к расследованию, как только явился утром на работу. В больницу он поехал один, хотя и хотел взять с собой Рона Хана, однако эксперт рассудил иначе: «Там своих знатоков достаточно, – сказал он. – А если возникнут трудности – звони, подъеду».

Смерть Маргалит, женщины тридцати двух лет, была квалифицирована врачами как следствие отравления мышьяком. Смертельная доза попала в организм примерно за полтора часа до того, как мать Маргалит, Шошана Симхони, вызвала скорую помощь.

Быстро оформив документы о передаче тела для судебно-медицинской экспертизы и сообщив по телефону Хану о предстоявшей ему работе, Беркович вышел в приемный покой, где собрались безутешные родственники умершей. Шошана Симхони оказалась женщиной очень худой и высокой. Алексу Кадмону, мужу Маргалит, было на вид лет сорок или чуть больше – он был бледен и повторял одно и то же: «Господи, что же это такое?» Были здесь еще две женщины, о которых Шошана, единственная, кто выглядел человеком в здравом рассудке, сказала, что это сестры Алекса Далия и Сильвия.

Разговаривать в приемном покое было, конечно, затруднительно, а везти убитых горем родственников в полицию Беркович не захотел, поэтому поехали домой к Кадмонам – в Рамат-Авив. Семья жила в большой пятикомнатной квартире на шестом этаже нового дома. Устроились в салоне, и Беркович спросил первым делом, откуда в доме взялся мышьяк.

– Это я купила, – мрачно сказала Шошана. – У нас месяц назад на кухне появилась мышь, и я приготовила для нее отраву.

– А мышь съела и сбежала, – хихикнула Далия.

– Понятно, – сказал Беркович. – За полтора часа до того, как Маргалит стало плохо, вы, вероятно, ужинали?

– Нет, – сказала Шошана, которая первой понимала смысл задаваемых вопросов. Алекс молчал, тупо глядя перед собой и время от времени всхлипывая, а его сестры, похоже, думали о чем угодно, но не о постигшей всех утрате. – Ужинали мы в шесть, а восемь пили кофе и смотрели телевизор. Дочь почувствовала себя плохо в половине десятого.

– Значит, кофе, – кивнул Беркович. – Кто-нибудь помыл чашки или?...

– Сильвия помыла, – сказала Шошана. – Как выпили, так я ей и сказала: «Помой посуду, не нужно ее оставлять на ночь».

– Могу я посмотреть? – спросил Беркович и пошел на кухню. Фаянсовые чашечки стояли в сушилке, толку от них теперь не было никакого.

– А где вы храните мышьяк? – поинтересовался инспектор.

– Вот, – Шошана открыла шкафчик рядом с плитой и показала стоявшую в самом низу пластиковую баночку, надпись на которой «мышьяк» не оставляла сомнений в том, что каждый мог знать, где хранится отравы.

Вернулись в салон.

– Вы люди умные, – продолжил разговор Беркович, – и понимаете, что есть два варианта. Либо Маргалит сама положила себе в чашку яд, либо это сделал кто-то из вас. Ведь, кроме вас, в квартире никого вчера вечером не было?

– Нет, – подтвердила Шошана. – И я вас уверяю, инспектор, моя дочь не могла покончить с собой! Это глупо! Она была счастлива! Они с Алексом всего год женаты...

Тут Шошана бросила взгляд на безутешного Алекса, и ее губы тоже задрожали, она закрыла лицо руками и разрыдалась, дав, наконец, волю собственным эмоциям.

Пока Шошана приходила в себя, Беркович задал несколько вопросов сестрам Алекса и убедился в том, что умом они не блистали, но в наблюдательности им отказать все-таки было нельзя. Сильвия и Далия жили с братом всю жизнь. Обе никогда не работали, потому что у брата были деньги, чтобы содержать сестер, которых он безумно любил. А деньги Алекс зарабатывал на биржевых операциях, и зарабатывал много.

После смерти родителей Алекс и сестры жили втроем, брат долго не женился – можно было подумать, что сестры заменяли ему других женщин. Год назад он познакомился с Маргалит и полюбил ее. Последовал бурный роман и женитьба, после которой Маргалит переехала к мужу, взяв с собой мать, с которой не могла расстаться, как Алекс не мог расстаться с сестрами.

Беркович не стал углубляться в выяснение, какие дискуссии предшествовали принятию решения поселиться всем вместе. Наверняка без споров не обошлось. Как бы то ни было, четверо женщин и мужчина поселились под одной крышей, и атмосфера постепенно пропитывалась ненавистью.

То, что сестры Алекса возненавидели Маргалит, было понятно и без их признаний – они не способны были сдерживать свои чувства и отвечали на вопросы инспектора со всей откровенностью, даже не думая о том, что переходят из разряда свидетелей в разряд подозреваемых. Обычно они пили растворимый кофе, но вчера Маргалит захотела сделать по-турецки, и Сильвия с Далией, конечно, не согласились. Шошана тоже по-турецки не любила, так что Маргалит приготовила две чашки – себе и мужу. Алексу было решительно все равно, что пить, лишь бы получить напиток из рук любимой жены.

Мышьяк в растворимом кофе был бы ощутим на вкус, а крепкий и горький кофе по-турецки представлял прекрасную возможность для совершения преступления. Скорее всего, убийца действовал по наитию – появилась возможность, и он ее не упустил. То есть, не он, конечно, а она – ибо ясно было, что убийцей стала одна из сестер или обе вместе, ведь только они ненавидели погибшую. Шошана тоже испытывала ненависть, но не к дочери, конечно, и не к зятю, а к его сестрам, которых считала – и не без основания – никчемными существами.

Как развивались вчерашние события? Беркович понимал, что если убила кто-то из сестер, то верить их описаниям нельзя, но Шошана подтверждала то, что сказали Сильвия с Далией, а Алекс, немного прийдя в себя, показал то же, что женщины.

Итак, Шошана налила три больших чашки растворимого кофе и поставила посреди журнального столика. Кофе по-турецки для себя и мужа приготовила Маргалит и поставила свою чашку на край журнального столика рядом со своим креслом, а чашку мужа – на низкую тумбочку рядом с угловым диваном. В это время зазвонил телефон в спальне, и Маргалит вышла из салона. Вышла и Шошана, чтобы нарезать и положить в вазочку лимон. Вышел Алекс, чтобы найти какую-то бумагу. Сильвия с Далией тоже на минуту вышли – одной нужно было в туалет, другая проверила, закончила ли стирать стоявшая на техническом балконе стиральная машина.

Минуту-другую в салоне не было никого, и убийца при достаточной сноровке мог положить в чашку Маргалит щепоть белого порошка. Правда, на кухне была Шошана, а ее трудно было заподозрить в желании убить собственную дочь, но и она, положив лимон, не сразу понесла вазочку в салон, а отправилась в ванную, чтобы помыть руки. В это время Сильвия или Далия, или обе вместе, могли взять из шкафчика пакетик с морфием...

Вернувшись в управление, Беркович спустился в лабораторию и пересказал свои разговоры эксперту Хану, которому предстояло проводить вскрытие тела Маргалит.

– Самоубийство вряд ли возможно, – закончил инспектор. – У Маргалит не было для этого причин. Да и что это за демонстративное самоубийство при всей компании? И никакого предсмертного письма. А если убийство, то подозревать можно лишь сестер – они ненавидели Маргалит и не скрывают этого.

– Других вариантов нет?

– Не вижу. Мотив был только у сестер. Возможность была у всех. Улик же – никаких. Чашки вымыты, баночка с мышьяком у твоих сотрудников, я заходил к ним, они говорят, что пальцевых следов не обнаружено.

– Значит, нужно заставить сестер сказать правду!

– Каким образом? – вздохнул Беркович. – По-моему, единственный человек в этой семье, кто сохранил здравый рассудок – это, как ни странно, Шошана, мать Маргалит. Пожалуй, я с ней еще поговорю...

Поговорить с Шошаной удалось только на следующий день после похорон. Беркович приехал к Кадмонам, он не хотел вызывать Шошану в управление. Алекс сидел шиву и был похож на привидение с всклокоченными волосами. Сестры смотрели на инспектора с ужасом, и он не мог поверить, что они при всей своей ненависти могли задумать преступление и в считанные минуты исполнить задуманное.

Уединившись с Шошаной в ее спальне, Беркович задал вопрос о том, кто из сестер мог взять мышьяк.

– Никто, – твердо сказала Шошана. – Я бы видела.

– Но кто-то ведь его взял! В прошлый раз вы сказали, что дочь при вас приготовила кофе по-турецки и понесла в салон. Растворимый вы наливали сами. Входили ли в кухню Сильвия или Далия?

– Нет, – покачала головой Шошана.

– Вы понимаете, – задумчиво сказал Беркович, – если исключить сестер, у которых хотя бы мотив был...

– Да о чем вы говорите? Мотив! Они дурочки, они и муху не способны убить...

– Но если не они, остаетесь вы или Алекс. Обвинять вас в убийстве дочери нелепо. Значит, Алекс. Возможность подсыпать яд в чашку жены у него была. А мотив... Вчера на похоронах я услышал кое-какие разговоры и навел справки. Возможно, вам это было не известно, но у Маргалит не так давно появился любовник – некий Ронен Клиnger.

– Я знала, – просто сказала Шошана.

– Так что мотив был и у Алекса.

– Нет! – воскликнула Шошана. – Он не мог! Он обожал Маргалит!

– Именно поэтому... – вздохнул Беркович. – Отелло ведь тоже обожал Дездемону.

– Нет! – повторила Шошана. – Это не Алекс! Это я! Я сама...

– Вы? – поразился Беркович.

– Я не знала, что это яд! Я думала, это сахар...

– Погодите, – растерялся Беркович. – Вы не могли думать, что в пакетике с мышьяком находился сахар!

– О Господи, какой пакетик? Я вам скажу, как было дело, только оставьте, пожалуйста, Алекса в покое, это святой человек.

Час спустя Беркович сидел в лаборатории Хана и пересказывал разговор с Шошаной.

– Я прекрасно понимал, – говорил инспектор, – что, даже имея мотив, Сильвия и Далия не смогли бы придумать такое преступление. У них на это мозгов не хватит. Шошану я тоже исключил – она мать. Оставался Алекс, и я решил, что мне просто не известен его мотив. А на похоронах услышал разговоры о том, что Маргалит влюбилась в спортсмена и наставила мужу рога. Вот, подумал я, и мотив нашелся. А все оказалось наоборот.

– Наоборот? – удивился Хан. – Что значит наоборот?

– А то, что это Маргалит задумала убить мужа, чтобы уйти к любовнику. Она знала, что Алекс ее обожает и ни за что не согласится на развод. Ведь именно она решила в тот вечер приготовить кофе по-турецки. И приготовила. И мышьяк из баночки отсыпала в пакетик заранее. На кухне мать была рядом – наливала по чашкам растворимый кофе. Маргалит отнесла чашки в салон и решила, что случай не благоприятствует... Но тут зазвонил телефон, все разбредись,

и когда Маргалит вернулась в салон, там никого не оказалось. Тогда она всыпала содержимое пакетика в чашку мужа.

– А выпила сама? Это же глупо!

– Видишь ли, Шошана видела, как дочь сыпала в чашку Алекса что-то белое. Ни о каком убийстве Шошана, конечно, не подумала. Она только знала, что зять не любит слишком сладкого кофе. Алекса Шошана уважала, считала, что дочери повезло с мужем. Она не хотела, чтобы вечер был испорчен – Алекс обнаружит, что кофе сладкий, начнет ворчать на Маргалит, та ответит... В общем, Шошана вошла в салон и поменяла чашки местами – Маргалит, мол, все равно, сладкий кофе или не очень.

– Ну-ну, – пораженно пробормотал Хан. – А когда она поняла, что натворила...

– Она так и не понимала, пока я не сказал, что подозреваю Алекса. До этого Шошана была уверена, что произошла нелепая случайность, она даже мысли не допускала, что кто-то мог убить ее дочь! И то, что Маргалит хотела смерти Алекса, ей тоже в голову не приходило. А когда я сказал про Алекса и про любовника ее дочери... По ее словам, будто пелена с глаз упала, и она вспомнила о том, как переставила чашки...

– Бедная женщина, – резюмировал Хан. – Это воспоминание будет преследовать ее всю жизнь.

Смерть неизвестного

Тело неизвестного обнаружил на обочине шоссе патруль дорожной полиции. Мужчина был изуродован до неузнаваемости. Руки и ноги были перебиты, а лицо так располосовано, что опознать погибшего не смогла бы и родная мать. Никаких документов, удостоверяющих личность, при убитом не оказалось, и тело отправили в Абу-Кабир, где судебно-медицинский эксперт возился с ним несколько часов, определяя какие-нибудь характерные особенности, которые могли бы помочь в опознании.

К инспектору Берковичу дело об убийстве неизвестного поступило к вечеру, когда вскрытие уже закончилось. Вместо того, чтобы отправиться домой, где его ждали любимая жена и сын, Беркович вынужден был читать с экрана только что поступившую информацию и чертыхаться про себя, потому что реальных перспектив он не видел, а заниматься на ночь глядя придумыванием бесполезных версий не хотел. Если бы сохранилось лицо, можно было бы дать объявление в газетах, пусть люди посмотрят, может, кто-нибудь узнает знакомого. Но не в этом случае. Убийцы очень хотели, чтобы тело осталось неопознанным.

Тяжело вздохнув (фотографии не могли вызвать никаких иных эмоций, кроме ужаса и отвращения), Беркович позвонил в архив и попросил перевести на его компьютер все сведения о людях, пропавших без вести в последние несколько недель. Убийство произошло прошлой ночью, но ведь человек мог исчезнуть гораздо раньше, его могли держать в заложниках и убить, когда стало ясно, что выкупа не будет... Да мало ли иных причин?

Больше ничего сделать Беркович на этом этапе не мог и уехал домой. Наташа сделала вид, что недовольна опозданием мужа, а Арик, напротив, радостно потянулся к отцу, и Беркович провозился с сыном весь вечер, забыв о неизвестном трупе.

Приехав утром на работу, инспектор открыл присланный из архива файл с затребованными данными и обнаружил, что никто из пропавших за последние три месяца мужчин не мог соответствовать телу убитого. Двое были слишком высокими, трое – слишком низкими, один чересчур толст, один – слишком худ. Более или менее подходил по росту и комплекции некий Авигдор Нахмансон, но вряд ли кто-нибудь стал бы возиться, чтобы сделать тело этого человека непригодным для опознания. Нахмансон был бомжем и жил на улицах Тель-Авива. Если бы его и убили, то не стали бы прятать или уродовать. Впрочем, за неимением других нужно было проверить и эту версию.

Изучив все документы и фотографии, Беркович отправился к своему коллеге и бывшему начальнику инспектору Хутиэли. Тот слышал краем уха о найденном теле и сказал:

– Пустой номер. На моем веку таких случаев было пять или шесть. Если опознать тело сразу не удастся, то очень быстро всякие перспективы сводятся к нулю. Смотри: если бы это был человек из приличной семьи, его бы уже искали, и все его особенности ты бы знал.

– Одежда на нем вполне приличная, только грязная, – сказал Беркович. – Его убили скорее всего в другом месте, а потом привезли к плантации и метров двадцать тащили по земле.

– Описаниям пропавших, по твоим словам, тело не соответствует, – продолжал Хутиэли. – Значит это все-таки какой-нибудь бомж. А это значит, что опознать убитого вряд ли удастся.

– Бомж или иностранец, – сказал Беркович.

– Иностранец? – поднял брови Хутиэли. – Почему иностранец?

– На теле костюм итальянского производства и французские туфли, все, правда, не новое, но вполне приличное.

– Будто в Израиле нельзя купить итальянский костюм и французские туфли!

– Можно, конечно. Но на бомже такой одежды быть не могло, а приличным, если так можно выразиться, пропавшим это тело не соответствует. Может, турист какой-нибудь?

- Пожалуй... Ты проверил гостиницы?
- Сейчас этим займусь. Но он мог жить не в гостинице, а у знакомых.
- Тогда они уже объявили бы об исчезновении гостя!
- Если только не они сами его и убили.
- Ну, эта версия, извини, притянута за уши.
- Я и не настаиваю. Просто один из вариантов. Что ж, – Беркович поднялся, – придется заняться гостиницами.

Список тель-авивских гостиниц очень обширен и далеко не ограничивается фешенебельными отелями на берегу моря. Сотни небольших заведений, порой всего с десятком номеров, разбросаны по всей территории города. Посетить все гостиницы у Берковича не было возможности, разве что ему дали бы в помощь десять полицейских. Все же он сделал что мог – обзвонил по списку девяносто шесть объектов, потратив на это почти два полных рабочих дня, и выяснил лишь, что ниоткуда постояльцы не пропадали. Одни въезжали, другие выезжали, но чтобы выйти из номера и не вернуться, оставив вещи... Нет, такого не наблюдалось.

На третий день расследования, понимая, что, скорее всего, дело действительно окажется безнадежным, Беркович поехал в аэропорт имени Бен-Гуриона. Если погибший – турист, то, возможно, он как-то наследил при въезде в страну. Привез с собой что-нибудь недозволенное, к примеру, или выглядел подозрительно...

Как и следовало ожидать, эти надежды не оправдались, и, потеряв еще несколько часов, Беркович вернулся домой в мрачном настроении. Наташа, конечно, видела, что у мужа неприятности на работе, но по уже установившейся традиции вопросов не задавала, и после ужина Беркович не выдержал:

– Что ты на меня так смотришь, будто я упустил важного свидетеля? А впрочем... Что-то я, видимо, действительно упустил. Не может быть такого, чтобы человек оказался совершенно никому не известен.

– Расскажи, – попросила Наташа, и Беркович изложил историю обнаружения неизвестного, опустив, конечно, все натуралистические подробности.

– А какие еще могут быть варианты? – задумчиво сказала Наташа, выслушав мужа. – Может, он палестинец, убили его на территориях, а потом привезли сюда и выбросили?

– Исключено, – не согласился Беркович. – Сейчас, когда все дороги, ведущие в автономию, досматриваются с особой тщательностью, невозможно провезти в район Тель-Авива мертвое тело.

– Может, оно не было мертвым, когда его везли? Может, убили его уже здесь?

– Маловероятно, Наташа. Ну с чего бы палестинцам рисковать и везти человека в густонаселенный район Израиля? У себя ведь они могут убить кого угодно и каждый день это делают! Нет, это нелогично.

– А почему ты сказал, что проверял списки пропавших за последние три месяца? Почему не за четыре? Или за год?

– Туфли, – пояснил Беркович. – Эксперты утверждают, что эта модель поступила в продажу три месяца назад.

– Три месяца – в Израиле? За границей эти туфли могли появиться в продаже раньше.

– Логично, – согласился Беркович. – Но турист, приехавший больше трех месяцев назад, не вернувшийся домой и не объявленный, тем не менее, в розыск... Тоже маловероятно.

– Ну, тогда не знаю, – сказала Наташа. – Если все варианты исключаются, но откуда же взялось тело?

– Если не получается решить проблему прямо, – пробормотал Беркович, – нужно сделать наоборот. Где я читал эту сентенцию?

– Наоборот? – удивилась Наташа. – Что значит наоборот?

– Да так, – уклончиво сказал Беркович. – Появилась одна идея... Нет, пока не скажу. Завтра попробую проверить.

Назавтра он опять отправился в аэропорт и углубился в изучение списков пассажиров, прибывших в Израиль в течение суток перед обнаружением тела неизвестного. Его интересовали не израильтяне, возвращавшиеся из зарубежных поездок, а иностранцы, приехавшие по делам или к родственникам. Таких тоже было достаточно много, но все-таки не катастрофическое количество: двести семнадцать человек. Найти их всех было чрезвычайно трудно, но разве у Берковича имелся другой выход?

Со списком инспектор вернулся в управление и, прежде чем вплотную заняться нудным и практически бесперспективным расследованием, спустился в лабораторию к эксперту Хану.

– Рон, – сказал Беркович, – ты же видел тело. Неужели нет хоть какой-нибудь зацепки? Хоть какой-то особенности...

– Нет, – покачал головой Хан. – Но ведь и отсутствие особенностей тоже является особенностью, ты не находишь?

– Да, конечно, но такая особенность есть у каждого второго.

– Не скажи! Если бы изуродовали только лицо, но ведь преступники поработали еще и над всеми конечностями, и грудь изрезали. Значит, на всех этих местах находилось что-то, что могло помочь опознанию. Найди-ка мне человека, у которого какие-то важные особенности были бы на руках, ногах и груди. Я не знаю – какие именно, но уже одно их количество...

– Черт возьми! – воскликнул Беркович. – Ты прав, а я олух!

Он покинул лабораторию, не слушая возражений эксперта.

Поднимаясь к себе, инспектор думал о том, что разгадка где-то рядом. Слова Хана что-то ему напоминали, но что? И еще вчерашний разговор с Наташей. Что он тогда сказал – очень важное для дела? Если не решается прямая задача, нужно сделать наоборот.

Что значит наоборот? Труп невозможно опознать. Наоборот – труп давно опознан. Человека зверски убили. Наоборот – человек жив. Нет, он ведь все-таки мертв. Значит, наоборот...

Черт, ну конечно же! Неопознанный убитый – опознанный самоубийца! Вот почему слова Хана показались такими знакомыми!

Вбежав в кабинет, Беркович бросился к компьютеру. Действительно, почему он ограничился тремя месяцами, когда искал исчезнувших? Почему не годом? Логика была простая и понятная, если говорить об убийстве. Но речь-то шла о человеке, покончившем с собой!

Вот оно. Беркович вывел данные на принтер и внимательно перечитал текст. Ариэль Блументаль, двадцать два года, наркоман. Год назад бросился в море с прогулочного катера. Тело не нашли, но обнаружили предсмертную записку, в которой Блументаль утверждал, что не может выдержать презрения родственников. Он был красивым парнем, на обеих руках у него было татуировано по змее, а на ногах – по кинжалу. И еще на груди он себе изобразил очень эффектную красотку, обнаженную и страстную. Опознать тело Блументалья не представляло бы труда, если бы...

Беркович вернулся к компьютеру и вызвал файл с параметрами убитого. Рост, вес... Такие же, как у Блументалья. Похоже, что на этот раз он на верном пути. И значит...

– Парень, видимо, не думал кончать с собой, – сказал Беркович инспектору Хутиэли час спустя. – Он хотел скрыться – видимо, связался с бандой наркодилеров, они за него крепко взялись. Он и слинял. Думал, похоже, отсидеться за границей и несколько дней назад вернулся. Но прежние дружки из вида его не упускали – в отличие от полиции, которая, не найдя год назад тела, все-таки согласилась с версией самоубийства.

– Резонный упрек, – пробормотал Хутиэли. – Кстати, это я тогда занимался делом Блументалья. Похоже, ты прав, это он и есть. Что ж, придется мне расхлебывать старый грех – убийцы наверняка среди старых знакомых Блументалья.

– Скажите, что мне делать, поработаем вместе.

– Не нужно, – отказался Хутиэли. – Это уже рутина. Займись лучше делом об отравлении Адина Карми – вот где нужен твой острый ум.

– Скажете тоже – острый, – смутился Беркович. – Просто Наташа посоветовала мне сделать все наоборот. Или это я сам догадался?

Интересная книга

С утра у Берковича было мрачное настроение. Не то чтобы случилось что-то неприятное – даже Арик ночью спал спокойно и впервые за несколько недель Берковичу удалось хорошо выспаться. И все-таки настроение было паршивым – возможно, в воздухе носились какие-то бактерии, вызывавшие ипохондрию или даже приступы депрессии.

А тут еще и задание инспектору досталось если не нелепое, то, во всяком случае, совершенно неинтересное. Ночью в своей квартире на улице Карлибах скончался некий Орен Гиршон, сорокалетний мужчина, сотрудник какой-то муниципальной службы, человек одинокий настолько, что даже оповестить о его скоропостижной кончине было решительно некого. По мнению врачей «скорой помощи», смерть наступила в результате сердечного приступа. Ничего криминального, и полицию известили только после того, как врач обнаружил странную вещь: на письменном столе были грудой навалены книги, на каждой из которых стоял штамп той или иной общественной библиотеки. Врач проявил любопытство и подошел к книжным стеллажам – стоявшие там книги тоже, судя по штампам, принадлежали вовсе не Гиршону. «Неужто он был клептоманом?» – подумал врач и на всякий случай известил полицию: всю эту литературу ведь так или иначе следовало вернуть законным владельцам.

И теперь Берковичу предстояло выехать на место и самому убедиться в том, сколь странными бывают в Израиле воры. Смысла в поездке инспектор не видел никакого – ну, убедится он, что книги взяты из библиотек, и что дальше? Если на книгах стоят штампы, то вернуть украденное – вовсе не дело полицейского управления. А наказать вора уже невозможно, природа сама его наказала.

Дом, в котором жил покойный Гиршон, оказался еще британской постройки: мрачный и темный, под стать настроению инспектора. Лифта не было, и Беркович поднялся на высокий четвертый этаж, проклиная и утро, слишком жаркое для весны, и Гиршона с его нелепой манией, и самого себя, не умеющего сдерживать приступы дурного настроения. В квартире все было аккуратно прибрано, как это часто бывает, если хозяин – закоренелый холостяк, да еще и педант впридачу. Тело давно увезли, и Беркович принялся рассматривать лежавшие на письменном столе книги. Почти на всех действительно оказались библиотечные штампы, и инспектор, положив перед собой лист бумаги, принялся переписывать номера и названия библиотек, из которых вся эта премудрость была украдена. То, что Гиршон не брал книг по официальной записи, казалось очевидным. Беркович обнаружил даже несколько книг на русском, на них стояли штампы городской библиотеки Нетании и русской библиотеки Сионистского форума.

За полчаса список библиотек вырос до тридцати названий, и Берковичу пришлось взять из лежавшей на столе стопки бумаги новый лист. Он писал и думал о том, как странно люди порой ведут себя и как нелепо покидают этот бранный мир. Инспектор не мог сказать, что Гиршона интересовала какая-то определенная область человеческих знаний или культуры. Здесь были и исторические книги, и романы, и справочники, и даже литература для детей. Впрочем, книг по истории было, пожалуй, больше, чем остальных. Книга, которую Гиршон читал, когда у него стало плохо с сердцем, называлась «Очерки по истории войн Израиля», это был сборник статей, изданных Еврейским университетом в 1979 году. За два десятилетия книга почти не потрепалась, и на ней – чуть ли не единственной – не оказалось библиотечного штампа. Похоже, что иногда Гиршон все-таки покупал книги в магазинах – видимо, если тема его очень интересовала, а в библиотеках он не находил нужного издания.

«Очерки» были раскрыты на середине, и страницы оказались смятыми – видимо, потеряв сознание, Гиршон повалился грудью на стол, инстинктивно вцепившись в книгу руками.

Беркович сел в кресло, в котором проводил вечера хозяин квартиры, и взял в руки последнюю книгу, которую Гиршон видел в своей жизни. В иное время инспектор, пожалуй, с

интересом прочитал бы об отношениях между Моше Даяном и Ицхаком Рабином, но сейчас ему предстояло дополнить список библиотек, просмотрев еще книги, стоявшие на полках.

«Интересно, – подумал Беркович, – если этот тип действительно был клептоманом, то, может, и „Очерки“ он в магазине не купил, а украл?»

Инспектор поднес книгу к глазам и принялся рассматривать обложку. Вряд ли удастся найти магазин, из которого Гиршон унес эту книгу. Издание более чем двадцатилетней давности, значит, взята книга не в «Стемацком» или другом магазине, где торгуют новой литературой. Торговцев подержанными книгами в Тель-Авиве более чем достаточно – на одной только улице Алленби таких магазинов не меньше десятка. Можно, конечно, пройти по адресам и показать книгу хозяевам – авось, узнают пропажу. И что? Скажут полиции «спасибо». Стоит ли стараться? Нет, конечно.

Беркович хотел уже положить «Очерки» на стопку книг, но какое-то неприятное ощущение заставило его осторожно опустить том на колени. Ощущениям своим инспектор привык доверять, но определить точно, в чем это ощущение состояло, он не смог бы. Книга вызвала у него неожиданный приступ неприязни – и скорее всего, связано это было не с Гиршоном, а все с той же утренней депрессией. Глупости.

Беркович еще раз раскрыл «Очерки» и понял наконец, что именно не понравилось ему в этой книге. Страницы были липкими – не настолько, чтобы прилипнуть к пальцам, но достаточно, чтобы вызвать неприятное ощущение. Будто кто-то положил книгу в сироп, а потом высушил на солнце. Если присмотреться – а Беркович немедленно сделал это, поднеся книгу к глазам, – то можно заметить, что листы действительно не совсем гладкие, а будто проглаженные.

Ну и что? Как-то Беркович дал почитать приятелю томик братьев Стругацких и получил его назад в таком состоянии, что можно было безошибочно сказать: кто-то на этой книге ел сладкий пирог, запивая его чаем. Отношения с приятелем испортились на какое-то время, а с книгой уже ничего нельзя было поделать – пришлось покупать другую, когда представился случай. Возможно, и на «Очерки по истории войн» кто-то из предыдущих хозяев этой книги пролил или сок, или сладкий чай. Вряд ли это сделал Гиршон – он-то был педантом и библиофилом, он книги берег и не стал бы проливать на них даже чистую воду.

А предыдущий хозяин стал бы? Скорее всего, тоже нет. Дал кому-то почитать, а тот книгу испортил, потому-то том и оказался у букиниста, а Гиршон его украл и...

Что ж, вполне возможно, так и было. Логически непротиворечивая цепочка. И что? Да ничего, просто тренировка дедукции. Беркович перевернул страницу, читая по диагонали, а для того, чтобы перевернуть следующую, пришлось послунывать палец, потому что листы слегка склеились. Следующий лист тоже оказался слеппен с предыдущим, и Беркович послунывал палец еще раз. Во рту остался едва заметный привкус – похоже, того самого пирога. Или... Нет, на пирог не похоже, и вообще на вкус было не сладко, а скорее кисловато. И запах... Беркович поднес книгу к носу и принюхался. Запах был явно не книжным – что-то терпкое и не очень приятное.

Странная мысль пришла Берковичу в голову, и он, подумав минуту, осторожно положил «Очерки» в полиэтиленовый пакет. Захватив составленный им список библиотек, инспектор покинул квартиру Гиршона и поехал в управление, по телефону предупредив эксперта Хана, что сейчас явится к нему со срочным заказом.

Вытащив книгу из пакета, Хан поднес ее к носу, осторожно придерживая двумя пальцами, и сказал, понюхав:

– Нет, так я тебе ничего не скажу. Скорее всего, все это чепуха. Мало ли что могли на книгу пролить? Но если ты настаиваешь...

– Да-да, – нетерпеливо сказал Беркович. – Я сам понимаю, что, скорее всего, ошибаюсь, но нужно убедиться.

– Я тебе позвоню, – сказал Хан. – Это займет час-другой.

Позвонил эксперт, однако, только к вечеру – Беркович уже и думать забыл о странной книге, рутинных дел было у него в тот день более чем достаточно.

– Спустись ко мне, – напряженным голосом сказал Хан. – Есть новости.

– Листы книги – не все, но большая часть, – были смочены составом, формула которого слишком длинна, чтобы я тебе ее прочитал вслух, – сообщил эксперт, когда Беркович вошел в лабораторию. – Очень сильное средство и мало кому доступное. В аптеках его точно не купишь. В последний раз, помню, его использовали в Мосаде, когда... Впрочем, это неважно.

– О чем ты говоришь, не пойму! – воскликнул Беркович.

– Препарат вызывает паралич сердечной мышцы, – объяснил Хан. – Достаточно полизать страницу, смоченную этой гадостью...

– Полизать? – удивился Беркович. – Какой же идиот будет лизать...

Он осекся, вспомнив, как сам пару раз слюнявил палец, чтобы перевернуть липкую страницу.

– Черт! – воскликнул он. – Я ведь тоже мог отправиться за Гиршоном!

– Послушай, – забеспокоился Хан, – ты много страниц перевернул таким образом?

– Две, – сказал Беркович. – Почувствовал странный вкус и позвонил тебе.

– Повезло, – облегченно вздохнул эксперт. – А вот Гиршону не повезло.

– Ты считаешь, что ему всего лишь не повезло?

– А ты считаешь иначе? Эту книгу он взял, по твоим словам, в магазине. Вряд ли убийца мог точно знать, кто купит этот том.

– Я сказал, что книгу Гиршон взял в магазине, верно. Но возможен другой вариант, – возбужденно проговорил Беркович. – Он мог украсть книгу у знакомого. Тот знал о гиршовской книжной клептомании – наверняка все его знакомые знали, – и специально смазал страницы...

– Чтобы наказать приятеля за то, что тот ворует книги с полок? – удивился Хан.

– Да мало ли какие между ними были отношения? Ясно, что, если это убийство, то некто воспользовался манией Гиршона, чтобы подсунуть ему отравленную книгу.

– Нужно пройти по всем знакомым Гиршона! – воскликнул Хан.

– Естественно. И среди них должен быть человек, имеющий возможность найти этот твой препарат со сложной формулой.

– Не думаю, что выбор будет очень уж большим, – заметил Хан. – Труднее окажется получить прямые улики. Упреждая твой вопрос, скажу: на книге есть отпечатки пальцев только самого Гиршона и никого более.

– Что говорит о предусмотрительности убийцы и доказывает, что смерть Гиршона не была случайной, – сказал Беркович. – Если бы Гиршон украл книгу в магазине, отпечатков было бы множество.

На следующий день Хан несколько раз звонил инспектору, но в кабинете Берковича не было, а мобильный телефон оказался выключенным. Лишь к вечеру Беркович появился в лаборатории, устало опустился на стул и сказал:

– Его зовут Лазарем Штерном. В прошлом действительно сотрудник Мосада. Уволен год назад – о причине мне сообщать отказались. С Гиршоном Штерн был знаком давно. Знал, конечно, о страсти приятеля к книгам. Так что, когда между ними произошел конфликт...

– Из-за чего?

– Деньги, – коротко сказал Беркович. – Все деньги, черт бы их побрал! Сколько из-за них судебных сломано!

– Можно подумать, – хмыкнул Хан, – что ты был бы против, если бы тебе вдруг прибавили зарплату.

– Я не против, – сказал Беркович, – но ведь никому это и в голову не приходит!

Укус змеи

– Теперь уже ничего не докажешь, – мрачно сказал эксперт Хан, отойдя с инспектором Берковичем подальше от шумевшей толпы мошавников и от полицейских, сдерживавших волну народного гнева. Гнев, кстати, был направлен не против Реувена Лепака, чьи гады расползлись сейчас по окрестным лесам, а против стражей порядка, из-за которых в размеренной жизни мошава возникли непредвиденные осложнения.

– Ничего не докажешь, – повторил Хан. – Михаэль Орман погиб от змеиного укуса – это единственное, что я могу сказать наверняка. На щиколотке два характерных следа, припухлость. Смерть наступила в результате паралича органов дыхания. Если бы помощь подоспела в течение хотя бы получаса, его удалось бы спасти. Но бедняга пролежал без сознания всю ночь...

– Понятно, – кивнул Беркович. – Если добавить к этому, что Орман сам выпустил гадов, которых, по идее, должен был охранять, то налицо типичный несчастный случай, произошедший в результате халатности.

– Скорее всего, – согласился эксперт. – На дверце пальцевые следы Ормана, они расположены поверх следов Лепака – значит, именно сторож был последним, кто открывал вольер.

– Вот именно. Вопрос в том, каким образом Орман мог погибнуть от змеиного укуса, если в вольере не было ни одной ядовитой змеи?

– Ну, одна была – это теперь несомненно.

– Не было, Рон, не было! У меня документы, на основании которых Лепак ввозил свой террариум в Израиль. Одиннадцать змей, на каждую у него был сертификат и разрешение. Это не ядовитые породы. Большая часть – ужи. Лепак привез змей, чтобы устроить в мошаве террариум и показывать коллекцию туристам. За деньги, естественно.

– Когда это произошло? Я имею в виду: когда Лепак вернулся со змеями из Таиланда?

– В пятницу на прошлой неделе. Вольер был подготовлен заранее, и в тот же день все змеи оказались в привычных для них условиях. Не придерешься.

– А тебе хочется придраться? – прищурился Хан.

– Нет, с чего ты взял? Но ведь что-то произошло! Среди змей не должно было быть ни одной ядовитой, но она там оказалась!

– Ты полагаешь, что гадов смогут найти?

Беркович пожал плечами.

– Сейчас их ищут по всей территории мошава и в окрестностях. Как ты сам видишь – пока безрезультатно. Прошло слишком много времени, змеи могли расползтись куда угодно.

– Что говорит Лепак? – поинтересовался эксперт.

– Парень в шоке. Сейчас с ним вообще трудно разговаривать. Все время твердит: «Что он сделал? Почему открыл вольер?» Клянет себя – вчерашний вечер он провел в Тель-Авиве у родственников. Если бы Лепак был здесь, трагедии, возможно, не произошло бы.

– Почему Орман открыл вольер? Он же должен был охраной заниматься, а не со змеями играть.

– Кто теперь скажет? Ночь, скука. К тому же, Орман был убежден в том, что змеи не опасны. Хотел в руках поддержать.

– Гадость какая, – пробормотал Хан.

– Вот именно, – кивнул Беркович. – Но некоторым нравится. Собственно, Лепак и собирался ведь давать посетителям ту или иную змею в руки. Именно поэтому он специально отбирал породы, совершенно не опасные.

– Получается один из двух вариантов, – задумчиво сказал эксперт. – Первый: тайландские змееводы ошиблись, выдавая сертификаты, и одна из змей все-таки принадлежала к ядовитым породам. Второй: кто-то подменил одну из змей или подсунул в вольер лишнюю.

– Ты полагаешь, что эксперты в Таиланде могли так ошибиться?

– Нет, конечно! Даже я, наверное, смог бы отличить ядовитую змею от обычной. Язык, например, который...

– Иными словами, первый вариант отпадает, – прервал Беркович эксперта. – Остается второй: змею подменили. Зачем?

– Ну, – продолжал рассуждать Хан, – тут тоже возможны варианты. Первый: просто из хулиганства – убийце все равно было, кого укусит змея. Второй: убийца хотел расправиться с Орманом. И третий: замышлялась расправа над Лепак, а Орман пострадал невинно.

– Ты веришь в версию хулиганства? – удивился Беркович.

– Нет, я лишь перебираю варианты.

– Я тоже не верю, что в мошаве мог найтись негодяй, который просто ради интереса подсунул бы в вольер ядовитую змею. К тому же, он должен был знать, что в руки змею возьмет именно Лепак – ведь это его хозяйство, он их кормил, он их хотел туристам показывать... А Орман что? Охранник. Как мог быть убийца уверен, что Орман, делая ночной обход территории, захочет порезвиться с гадами?

– Никакой гарантии, – согласился Хан. – И какой вывод из всего этого? Некто хотел убить Лепак, а пострадал Орман?

– Похоже, что так.

– Все равно есть тут нестыковка. Лепак наверняка прекрасно знал «в лицо» своих питомцев. Неужели он не обратил бы внимания на чужую змею и взял бы ее в руки?

– Не знаю. Когда парень выйдет из шокового состояния, я ему задам этот вопрос.

– Извините, инспектор, – обратился к Берковичу сержант Кубелик, – я вызвал, как вы просили, друзей Лепак и невесту Ормана. Они в кабинете главного бухгалтера.

– Иду, – кивнул Беркович и направился к административному корпусу. Друзей Лепак оказалось двое – Арик Шехтман и Лея Герштейн, обоим было лет по двадцати пяти, как и самому Лепак. А Эйнат Хариф, невеста погибшего, выглядела совсем молоденькой – вряд ли ей было больше семнадцати. Держались трое молодых людей на вид стойко, – даже Эйнат не плакала, а только до крови закусывала губу, – но мало что могли добавить к той информации, что уже была у инспектора. Были ли у Лепак враги? Не было, какие враги, мы тут с детства друг друга знаем, Реувена все любили, он для мошава готов был в лепешку расшибиться. Он очень талантлив, а в подражании не знает равных. Крик любого зверя, голос любого человека, любой почерк... После армии все путешествовали по экзотическим странами ради собственного удовольствия, а Реувен хотел сделать в мошаве что-то необыкновенное и в конце концов придумал эту идею со змеями. Поехал в Таиланд, оттуда и привез одиннадцать штук.

Давно ли Орман работал охранником? Не очень, он из армии вернулся всего год назад, потом три месяца путешествовал – правда, в отличие от Лепак, не по Азии, а по Южной Америке. А сторожем начал работать зимой, когда решил, что с университетом, куда он хотел поступать, можно и подождать.

Зачем Орман открыл вольер? На этот вопрос никто не смог толком ответить, даже Эйнат, зная Михаэля, естественно, лучше других. Нет, Орман не настолько любил гадов, чтобы так уж стремиться подержать их в руках. Но и утверждать, что он ни за что бы этого не сдал, тоже никто не решался.

Разговор продолжался около двух часов, а потом смертельно уставшая Эйнат едва не упала в обморок, и ее пришлось проводить до дома.

Змей так и не нашли. Впрочем, и шансов было немного, кругом лес, не очень густой, конечно, но укрыться там под камнем или в кустах любая змея могла запросто. Как сказал Рон Хан: «Никаких доказательств».

Часа через два Беркович еще раз решился поговорить с Лепак. Врач сказал, что парень способен отвечать на вопросы. На этот раз он действительно не повторял, как заведенный, одно и то же, понимал все, что спрашивал инспектор, но отвечал вяло, испуганно, будто боялся, что его могли заподозрить в чем-то предосудительном.

– Я открывал клетку вчера утром, – сообщил Лепак, – дал змеям корм. Закрыл и ушел домой.

– Больше в вольер не приходили?

– Нет, вечером я поехал в гости.

– Клетку мог открыть любой? Например, Орман...

– Михаэль не любой. Он отвечал за охрану, и у него были ключи.

– Он часто открывал клетку?

– Не знаю... Зачем ему это было нужно?

И наконец Беркович решил задать прямой вопрос:

– Кто в мошаве мог желать вашей смерти?

– Моей? – от неожиданности Лепак едва не упал со стула. – Понятия не имею. Никто.

А почему вы так...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.